

Засодимский Павел Владимирович

Из воспоминаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Из воспоминаний / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 453 с.

ISBN 978-5-519-85818-2

ISBN 978-5-519-85818-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Раннее дѣтство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ,
Тамъ алыя розы, красуясь, цвѣтутъ“...
„Лалла-Рукъ“, Мура.

I.

Отецъ мой жилъ въ Никольскѣ, Вологодской губерніи. По дѣламъ службы онъ пріѣхалъ съ моей матерью въ Великій Устюгъ. Здѣсь я и родился ночью 1 ноября 1843 года.

Ночь, по рассказамъ отца, была темная и бурная. Въ это время отца не было дома: онъ возвращался изъ уѣзда и поздно вечеромъ пріѣхалъ на берегъ рѣки. За нѣсколько дней передъ тѣмъ стояли сильные морозы, и рѣка Сухона, протекающая подъ городомъ, покрылась льдомъ, но затѣмъ случилась оттепель, ледъ взломало, и переправа прекратилась. «Если бы ночь была не такая мгlistая и дождливая, — говорилъ отецъ, — я могъ бы видѣть освѣщенные окна нашего дома». Отецъ уже зналъ, что мать моя была больна, и очень беспокоился о ней.

Онъ сталъ упрашивать лодочниковъ перевезти его въ городъ. Лодочники отказывались: Было совсѣмъ темно, и во мракѣ на всемъ протяженіи рѣки, сколько могъ глазъ охватить, видны были льдины, какъ чудовищные призраки, съ

глухимъ шумомъ несшіяся по темнымъ волнамъ и уносившіяся въ далекое Бѣлое море. Наконецъ изъ среды лодочниковъ нашлись смѣльчаки и взяли за 25 рублей перевести отца. Тутъ началась геройская, или — вѣрнѣе сказать — безумно-дерзкая переправа, гдѣ на каждомъ шагу отцу моему и лодочникамъ грозила гибель.

Гдѣ было можно, плыли на веслахъ, а гдѣ весла оказывались бесполезными, пускали въ ходъ шесты и отпихивались ими отъ налетавшихъ льдинъ. Приходилось лавировать между льдинами, то возвращаться назадъ, убѣгая отъ вѣрной смерти, то быстро двигаться впередъ, пользуясь открывшимся свободнымъ пространствомъ. Нѣсколько разъ студеныя волны хлестали черезъ бортъ утлой лодки; не одинъ разъ лодку затирало льдомъ.

Разсказывая объ этой переправѣ, отецъ, я помню, со вздохомъ говорилъ: «Жутко мнѣ было... Охъ, жутко!.. Я ужъ не разъ каялся, что соблазнилъ своими деньгами этихъ бѣдняковъ и повелъ ихъ вмѣстѣ съ собой на смерть!..» Полтора часа они боролись впотьмахъ съ напиравшими льдинами, съ волнами и вѣтромъ. Ступивъ на берегъ, эти люди скинули шапки и перекрестились, смотря на темное небо (и, я думаю, на тотъ разъ они помолились отъ всего сердца).

Когда отецъ, иззябшій и промокшій до нитки, пришелъ домой около часу ночи, ему объявили, что у него родился сынъ. Родился я.

Четырехъ мѣсяцевъ меня увезли изъ Великаго Устюга въ Никольскъ, гдѣ и прошли первыя девять лѣтъ моей жизни. Никольскъ въ ту пору былъ маленькій, глухой городокъ, затерявшійся посреди лѣсовъ, — однимъ словомъ, такой милый городокъ, до котораго, по словамъ Гоголя, «хоть три года скачи,—не доскачешь». При мнѣ, помню, съ улыбкой говаривали: «Дальше нашего Никольска и почта не ходитъ!» Слыша такія рѣчи, я тогда представлялъ себѣ, что тамъ за Никольскомъ, за этими зелеными, дремучими лѣсами, былъ уже край свѣта. Я въ ту пору еще не учился географіи и поэтому разсуждалъ такъ: «Если дальше

и почти не ходить, значить, дальше ужь ничего нѣтъ, — такъ себѣ, что-то, пустое мѣсто, туманъ»... И мнѣ чрезвычайно хотѣлось заглянуть за эти темные, дремучіе лѣса и посмотрѣть: каковъ край свѣта...

Вотъ что прежде всего я помню: прекрасное, безконечно доброе лицо моей матери въ рамкѣ русыхъ волосъ и ея кроткіе ласковые глаза, темно-голубые, какъ ясное лѣтнее небо. Это — мое первое и самое лучшее воспоминаніе.

Рядомъ съ этимъ милымъ, свѣтлымъ образомъ я помню другое, дорогое для меня, добродушное старческое лицо, съ морщинами, съ сѣрыми глазами, съ толстой, немного отвисшей нижней губой и съ неизмѣннымъ темнымъ платкомъ на бѣлокурыхъ, сѣдѣющихъ волосахъ. Это — моя няня, Марья Тарасьевна.

Я помню мою дѣтскую свѣтелку съ однимъ окномъ и съ лѣстницей внизъ. Изъ окна были видны дворъ, огорождъ, часть сада, сарай, далѣе рѣка, а за рѣкой вѣчно-зеленые, еловые и сосновые лѣса. Смотря изъ окна, я часто думалъ: что-то скрывается тамъ, вдали, за этими лѣсами? И мои дѣтскія мечты населяли невѣдомый для меня міръ различными фантастическими образами... И эти хвойныя деревья, сосны и лохматыя ели, бывшія у меня постоянно передъ глазами во дни ранняго дѣтства, ярко запечатлѣлись въ моемъ живомъ дѣтскомъ воображеніи и навсегда остались моими любимыми деревьями. Гдѣ бы я ни увидѣлъ ихъ, я всегда имъ радъ и смотрю на нихъ, какъ на своихъ старыхъ друзей. Самый красивый ландшафтъ безъ сосенъ или безъ елей теряетъ для меня половину своей прелести...

Меня рано укладывали спать, а поэтому я и вставалъ рано-рано. Иногда, выспавшись, я поднимался еще ночью. Помню, бывало, зимой, когда было еще совсѣмъ темно и въ домѣ всѣ спали, я уже лежалъ съ открытыми глазами и ворочался на своей маленькой кровати. Наконецъ, соскучившись, я будилъ Тарасьевну и начиналъ заговаривать съ ней. Няня, само собой, очень не нравились эти ночные разговоры.

И что тебѣ не спится? Полунощникъ!—зѣвая и крестясь, говорила она недовольнымъ тономъ.—Спи, батюшка! Спи, Господь съ тобой!

Но все напрасно... У меня уже ны въ одномъ глазу не было сна, и поэтому я норовилъ продолжить пріятные разговоры.

— Ну, спи же, спи!—кряхтя и охая, уговаривала меня няня.—Теперь всѣ спятъ... только волки не спятъ, бѣгаютъ по лѣсу...

И Тарасьева сама, противъ своего желанія, давала поводъ къ дальнѣйшему разговору. Волки, бѣгающіе ночью по лѣсу, представляли тогда для меня такую заманчивую картину, что она уже вполнѣ овладѣвала моимъ дѣтскимъ воображеніемъ. Лѣсъ былъ за рѣкой, тутъ же, у меня передъ глазами... Я вскакивалъ съ постели, бѣжалъ къ окну и, забравшись съ ногами на стулъ, принимался смотрѣть въ окно.

Въ ночномъ сумракѣ передо мной смутно рисовались деревья въ инеѣ, крыши сараевъ, покрытыя снѣгомъ, снѣгомъ занесенные плетни, рѣка, бѣлѣвшая подъ снѣжной пеленой, а за рѣкою темной полосой мерещились лѣса. И страшно и пріятно мнѣ было всматриваться въ таинственную глубь этихъ лѣсовъ... Подолгу я смотрѣлъ на лѣсъ, — надѣялся увидать тамъ волковъ, но не видалъ ихъ. Пока нянька тихо дремала, моя дѣтская легкокрылая фантазія живо работала и уносила меня далеко-далеко...

— Няня! Вѣдь у волковъ глаза блестятъ? — спрашивалъ я.

— Блестятъ, батюшка... горятъ, какъ свѣчки! — заплетаящимся языкомъ отвѣчала няня: она уже знала по горькому опыту, что если прикинется спящей и не отвѣтитъ мнѣ, то я, все равно, не дамъ ей покоя и пристану къ ней со своими волками, «какъ банный листъ», по ея выраженію.

— И зубами они щелкаютъ... вотъ такъ? — продолжалъ я, щелкая зубами.

— Да, батюшка... и зубами щелкаютъ!

И волки, шмыгающіе по лѣсу, все живѣе и живѣе начинаютъ рисоваться моему воображенію. Припоминаются обрывки чего-то слышаннаго, отрывки сказокъ или полусказочныхъ бывальщинъ, видѣнныя картинки... Нянька, наконецъ, принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію разговоровъ. Ее, бѣдную, сонъ одолевалъ, и она уже намѣревалась напугать меня, полагая, что для достиженія цѣли всѣ средства пригодны...

— А ежели какія дѣти не спятъ, такъ волки подбѣгаютъ къ дому...—мрачнымъ, зловѣщимъ тономъ начинается няня.

— И уносятъ дѣтей!—довольно равнодушно заканчиваю я уже знакомый мнѣ рассказъ.

— Да! И уносятъ! — съ сердцемъ подтверждаетъ Тарасьева.

— Ну, къ намъ волкъ не заберется! — со вздохомъ облегченія говорю я.—Двери у насъ закрыты, въ прихожей Василій спитъ...

Няня отъ негодованія фыркаетъ себѣ подъ носъ, отворачивается отъ меня и, повернувшись на бокъ, сердито молчитъ. Ея печальный рассказъ «о волкѣ, уносящемъ мальчика», съ теченіемъ времени пересталъ производить на меня устрашающее впечатлѣніе: я уже не разъ слыхалъ его, но волковъ ни разу и въ глаза не видалъ... Эти почныя сидѣнья у окна и разговоры о томъ, что теперь, ночью, происходитъ въ лѣсу, имѣли для меня какую-то особенную прелесть и очарованье.

Иногда, помню, дѣло кончалось тѣмъ, что я просилъ у няни поѣсть. У нея на этотъ случай всегда былъ гдѣ-то припрятанъ кусочекъ пирога. Я забирался на кровать и ѣлъ, а потомъ, юркнувъ подъ одѣяло, снова мирнымъ сномъ засыпалъ до утра...

Рѣка Югъ, протекавшая передъ окномъ моей дѣтской свѣтелки, была рѣка не особенно широкая, но глубокая и очень быстрая. Весной рѣка оживлялась... На берегахъ ея появлялись склады бревенъ, дровъ; изъ бревенъ составлялись

плоты; строились барки, спускались на воду и нагружались хлѣбомъ, льномъ, дровами, бочками дегтя и смолы.

Помню свѣтлый весенній день. Окно въ дѣтской открыто. Въ комнату врывается свѣжій воздухъ, пропитанный запахомъ сырой земли и первовесенней растительности. Солнце заливаетъ комнату. На дворѣ слышно неумолкаемое чириканье воробьевъ. Въ саду, на вѣтвяхъ березъ, едва опушенныхъ зеленью, грачи съ шумомъ суетятся надъ своими гнѣздами. Съ берега до меня доносится какой-то смутный гулъ — стукъ топора, плескъ воды, говоръ, пѣсни и крики рабочихъ: «Ухъ-ухнемъ! Вотъ идетъ, вотъ идетъ, сама по-пла-а-а! да, ухъ — пошла-а-а!..»

Нагруженные барки одна за другой отваливаютъ отъ берега и плывутъ внизъ по рѣкѣ. «Куда-то плывутъ эти барки? Далеко плывутъ онѣ»... задумчиво говорилъ я себѣ, смотря на суда, исчезавшія за лѣсистой излучиной рѣки. Съ осени берегъ опять пустѣлъ до весны...

II.

Помню праздничное, сіяющее утро и веселый звонъ колоколовъ. На дворѣ свѣтло, тепло. Бѣлая, легкія облачка плывутъ по ясной небесной лазури. Цвѣточные ароматы широко струей вливаются въ комнату черезъ открытое окно... Мать моя въ бѣлой утренней кофточкѣ сидитъ передъ своимъ зеркаломъ и расчесываетъ волосы. Я — на скамейкѣ у ея ногъ.

Я не свожу глазъ съ ея милаго лица и внимательно слѣжу, какъ мама расчесываетъ свои чудесные, шелковистые русые волосы, и какъ ея пальцы начинаютъ проворно заплетать волосы въ косу и затѣмъ эту длинную, толстую косу укладываетъ она на головѣ, въ видѣ коронки. Я, бывало, сижу, положивъ руки къ ней на колѣни и все смотрю на нее и люблюсь. Краше ея не было для меня человѣка на свѣтѣ... Убравъ свою голову, она принималась приводить въ порядокъ мои волосы.

— Ахъ, голубчикъ! Какой у тебя вихоръ! Никакъ его не пригладишь! — говорила она, стараясь причесать мои непокорные кудри.—Ты, видно, будешь у меня упрямый... Упрямый будешь, да?

И, причесавъ меня, она обѣими руками брала меня за голову, нѣсколько мгновеній съ любовью смотрѣла мнѣ въ глаза и потомъ такъ крѣпко-крѣпко цѣловала меня.

Я любилъ мою мать какою-то особенною, благоговѣйною любовью, какъ потомъ уже никогда никого не любилъ. Не было у меня въ дѣтствѣ такого горя, которое бы не утишилось и не смирилось, когда она обнимала меня, и я припадалъ своимъ разгорѣвшимся, заплаканнымъ лицомъ къ ея маленькимъ, нѣжнымъ рукамъ... И мнѣ иногда, въ свою очередь, приходилось видать ее плачущею, приходилось видать слезы на ея рѣсницахъ, — и какъ мнѣ было тогда больно! Конечно, я былъ малъ и часто даже не зналъ, не могъ понять, о чемъ она плачетъ и груститъ, но я былъ бы готовъ въ тѣ минуты всею пожертвовать, былъ бы готовъ отдать себя на самыя лютыя, жесточайшія мученія, лишь бы только осушить слезы съ ея добрыхъ, кроткихъ глазъ.

Встрѣчалъ я на своемъ вѣку добрыхъ, красивыхъ женщинъ, но мать, какъ была, такъ и осталась для меня самой лучшей, самой доброй и прекраснѣйшей изъ женщинъ. Мнѣ и прежде казалось и теперь думается, что чище, прекраснѣе этого образа никогда не создавала самая пылкая, возвышенная мечта поэта... Я помню, все родные и знакомые считали ее красивой и очень-очень доброй. Для меня же она была и осталась красавицей изъ красавицъ и живымъ олицетвореніемъ доброты.

Моя мать была дочерью вологодскаго помѣщика, отставного морского офицера, Павла Михайловича Засѣдкаго. Звали ее Екатериной.

Въ 1824 г. императоръ Александръ Благословенный посѣтилъ Вологду. Вологодскіе граждане по этому случаю дали балъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Моя мать (въ то время еще дѣвушка лѣтъ 18) и старшая сестра съ были на балѣ.

Въ нашей семейной хроникѣ сохранились сказанія объ этомъ событіи.

Мать моя и сестра ея были въ бѣлыхъ креповыхъ платьяхъ, «выписанныхъ изъ Петербурга»; у сестры ея платье было съ пунцовыми цвѣтами, а у матери (какъ у блондинки)—съ розовыми, и у лѣваго плеча ея была приколата алая роза. Представляю я себѣ, какъ дивно хороша она была въ тотъ вечеръ! Немудрено, если государь обратилъ на нее вниманіе, но онъ танцевалъ польскій не съ нею, а съ сестрой ея, Натальей Павловной Засѣцкой, съ шифромъ кончившей курсъ въ Смольномъ монастырѣ. Тутъ было едва не произошло недоразумѣнія...

Государь въ силу этикета танцевалъ лишь съ женой предводителя дворянства, губернатора и городского головы и, кромѣ того, съ бывшими воспитанницами казенныхъ учебныхъ заведеній — смольнянками и другими институтками. Дворянскій предводитель подводилъ къ государю дамъ для танцевъ. Старикъ былъ подслѣповатъ и, вѣроятно, принявъ цвѣтокъ за шифръ, взялъ мою мать за руку и также хотѣлъ представить государю, но она поправила его ошибку, сказавъ, что она—не институтка. (Мать моя воспитывалась дома.)

Императоръ Александръ произвелъ на нее очень пріятное впечатлѣніе. Я помню, какъ она, рассказывая объ этомъ балѣ, говорила: «По лицу было видно, что онъ — человѣкъ добрый и великодушный. У него такая мягкая, обворожительная улыбка... И мы на него смотрѣли не только какъ на нашего государя, но какъ на героя, побѣдившаго Наполеона»...

Въ нашихъ семейныхъ воспоминаніяхъ личности Александра I и цесаревича Константина Павловича всегда были окружены какимъ-то сіяющимъ ореоломъ.

III.

Помню жаркій лѣтній день. Съ синяго безоблачнаго неба солнце жжетъ и палитъ. Вѣтерокъ не подуетъ. Птички притихли... Тарасьева съ чулкомъ въ рукахъ сидитъ въ

тѣни за воротами, на лавочкѣ, и не столько вяжетъ чулокъ. сколько дремлетъ. Рыжій, кудластый Милонко лежитъ у ея ногъ, высунувъ языкъ и изнывая отъ жары. Я играю на лужайкѣ передъ домомъ.

Вдругъ за мостомъ, на соборной площади поднимается пыль, слышится звяканье цѣпей. Арестанты возвращаются съ работъ въ острогъ. Я бѣгу къ матери.

— Мама, мама! «Несчастненькіе» идутъ... — кричу я. и мигомъ возвращаюсь съ деньгами за ворота.

Весь раскрасѣвшійся, запыхавшійся, я выхожу на дорогу. Колодники идутъ нестройной толпой въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ. Бритые, въ сѣрыхъ шапкахъ, въ сѣрыхъ халатахъ, съ цѣпами на ногахъ, уныло тащатся они подъ солнечнымъ зноемъ по опустѣлой, безмолвной улицѣ, поднимая пыль. И въ тихомъ, дремотномъ воздухѣ лѣтняго полудня слышится лишь ихъ тяжелый, мѣрный шагъ и звяканье цѣпей. Худые, блѣдные, глаза впалые... Я подаю имъ деньги. Они протягиваютъ руки, берутъ мѣдныя монетки, мрачно смотрятъ на меня и, молча, проходятъ мимо.

Я ужъ давно знакомъ съ «несчастненькими». Острогъ (двухъэтажное бѣлое каменное зданіе) — противъ нашего дома, черезъ дорогу. Я часто вижу изъ-за желѣзныхъ оконныхъ рѣшетокъ ихъ блѣдные, сумрачныя лица. Я слыхалъ объ этихъ людяхъ страшныя исторіи, но эти исторіи не запугали меня, можетъ-быть, потому, что я часто вблизи видалъ острожниковъ и не находилъ въ нихъ ничего ужаснаго: люди — какъ и всѣ люди, только иначе одѣтые, сидящіе взаперти. въ цѣпяхъ—и именно «несчастные», какъ зоветъ ихъ нашъ народъ. Мнѣ было очень жаль ихъ, и по поводу ихъ у меня однажды съ няней вышелъ довольно оживленный разговоръ.

— Знаешь что, няня? — заговорилъ я, сидя съ ней на лавочкѣ за воротами и смотря на блѣдные лица, мелькавшія въ окнахъ тюрьмы. — Я, когда вырасту большой, всѣхъ ихъ выпущу!

— Это кого же, батюшка? — равнодушно переспросила Тарасьевна, углубившись въ свое вязанье и не зная, о комъ шла рѣчь.

— А вотъ — «несчастненькихъ»! — пояснилъ я, указавъ рукой на рѣшетчатые окна, темнѣвшія противъ насъ.

— Что ты, что ты, Господь съ тобой! — заворчала няня. — Да развѣ можно пущать на волю арестантовъ! Да кто жъ тебѣ позволить, баловнику?

Послѣдній доводъ поколебалъ было мою рѣшимость; на мгновенье я опѣшилъ.

— А вотъ что, няня! — спохватился я. — Я буду сильный, сильный... рѣшетки выломаю и выпущу всѣхъ!

— А тебя солдатъ застрѣлить! — допекала меня няня.

— А я... я самъ его застрѣлю! — чуть не со слезами говорилъ я, чувствуя, что дѣло мое плохо и освобожденіе узниковъ не выгораетъ.

— Солдата-то застрѣлишь? Охо-хо-хо! — насмѣшливо, покачивая головой, сказала няня. — Ну, нѣтъ, батюшка! Солдатъ-то всякаго застрѣлить... Съ нимъ ничего не подѣлаешь, съ солдатомъ-то!..

Нянька говорила такимъ внушительнымъ, увѣреннымъ тономъ, что солдатъ, расхаживавшій у острога съ ружьемъ на плечѣ, въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принималъ видъ какого-то всемогущаго сказочнаго чудовища. Но тутъ, какъ я самъ замѣчалъ, выходила какая-то путаница. Няня изображала солдата какимъ-то непреодолимымъ страшилищемъ, а я, между тѣмъ, видѣлъ, какъ тѣ же самые солдаты вытягивались въ струнку передъ моимъ отцомъ, а въ Новый годъ являлись къ намъ на дворъ съ поздравленіемъ и подъ окнами залы усердно били въ барабанъ. За это имъ съ Васильемъ высылали денегъ. Оказывалось, что Тарасьевна какъ будто бы ошибалась... Солдатъ, какъ и чортъ, оказывался вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ.

Рядомъ съ тюрьмой стояла старая, развѣсистая черемуха. Однажды лѣтомъ, въ какой-то праздникъ, когда ягоды уже поспѣли, это почтенное дерево было отдано уличнымъ маль-